

ДИСКУССИЯ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В РОССИИ И В ГЕРМАНИИ

Россия и Европейский союз находятся в состоянии постоянного реформирования, приспособлявая себя к вызовам современности. В проведении реформ (возможно, все еще в недостаточной степени), а нередко и в их торможении задействованы, организации гражданского общества, выражающие самые разнообразные интересы. Чтобы результаты реформ оказались прочными, реформаторы должны учитывать эти интересы и по возможности опираться в проведении в жизнь нововведений на поддержку гражданского общества. В Европе это понимали давно, с недавних пор к такому пониманию пришли и в реформирующейся России.

В связи с этим интересно проследить, как развиваются в последнее время дискуссии о сути, месте и роли гражданского общества в России и одновременно такой крупной стране ЕС, как Германия. Тематике гражданского общества уделялось немало внимания на последней встрече президента В. В. Путина и федерального канцлера Г. Шредера в рамках «Петербургского диалога», прошедшего в Веймаре 9–10 апреля 2002 г. Хотелось бы отметить, что нынешние руководители встречаются гораздо чаще, чем предыдущие лидеры двух стран Б. Н. Ельцин и Г. Коль. Нынешняя дискуссия о гражданском обществе и ряд практических мероприятий в России были в определенной мере инициированы постановкой данных вопросов в рамках «Петербургского диалога» и пожеланиями немецкой стороны, чтобы тема гражданского общества стала в этом диалоге одной из ведущих.

Начало дискуссии в России, в научном сообществе и средствах массовой информации, было положено встречей президента В. В. Путина в Кремле в день национального праздника 12 июня 2001 г. с представителями ряда неправительственных организаций (НПО, по-английски NGO). На следующий день, 13 июня, в московском «Президент-отеле» состоялось заседание круглого стола, на котором председатели ряда НПО, по-

литики, специалисты-политологи, социологи, другие эксперты в области общественных наук, журналисты обсудили в научном и практическом плане проблемы развития гражданского общества в стране. Многие из них присутствовали и на предыдущей встрече.

На этом круглом столе подчеркивалось, что гражданское общество в России существует, НПО заняли свое место в обществе и играют большую роль в деле социальной адаптации. Этим общественным организациям практически не требуется помощи государства. Тем не менее необходимо плодотворное сотрудничество власти и НПО, поэтому возникла идея создания Палаты гражданских союзов (позднее она получит название Гражданский форум).

На круглом столе были приведены данные о деятельности неправительственных организаций. Считается, что в стране действуют более 300 тыс. НПО, которые создали около 1 млн рабочих мест, а экономический объем их деятельности исчисляется миллиардами долларов в год. Критиковались средства массовой информации, которые, сосредоточиваясь на освещении действий политических партий и объединений и политических скандалов, не уделяют должного внимания деятельности НПО.

Что касается понимания гражданами, что такое гражданское общество, были приведены интересные данные опросов. Более или менее увязываемые с изначальным понятием «гражданское общество» ответы дали всего 22 % граждан. В том, что слышат о нем впервые, признались 40 %, что-то слышали — 28 %, затруднились ответить — 16 %; 1 % опрошенных считает, что это культурное, цивилизованное, высокообразованное общество — «не как у нас».

По мнению главы одной из старейших в стране НПО — Московской Хельсинской группы Л. Алексеевой, существующее в России гражданское общество представляют следующие компоненты: политические партии, свободные средства массовой информации, частный бизнес, независимые общественные организации. Очевидна также слабость нашего гражданского общества, так как связи между его отдельными компонентами очень хрупки и не отлажены. Алексеева поддержала идею проведения Гражданского форума для потенциального объедине-

ния усилий НПО, развития горизонтальных связей. Однако в том, что касается сотрудничества НПО с властью, Алексеева, как и ее коллеги из Конфедерации защиты прав потребителей, Мемориала и некоторых других организаций, подчеркнула, что, с одной стороны, они приветствуют, что власть обратила на них внимание, а с другой, исходя из своего печального опыта, относятся к этому настороженно, боясь потерять независимость.

В ходе подготовки Гражданского форума идея создания близкими к Кремлю политтехнологами что-то вроде Министерства гражданского общества была встречена в штыки Народной ассамблеей — объединением ряда НПО, давших свои предложения по проведению Гражданского форума. Администрация президента, выступавшая с иными идеями, в конце концов оказалась вынужденной их принять. Согласно лидерам Ассамблеи, целью созыва Гражданского форума могло бы быть обсуждение взаимодействия государства и гражданских организаций, а не создание представительства общества (таким легитимным представительством является по Конституции Государственная Дума). Формат Форума должен включать серию круглых столов с правительственными ведомствами, в том числе по вопросам прав человека, свободы слова, положения в Чечне, для формулирования точек согласия и разногласий и определения повестки дня дальнейших переговоров государства и гражданских организаций. Результатом Форума должно стать создание ряда рабочих групп по стратегически важным вопросам (судебная реформа, налоговая реформа, изменение налогообложения организаций НПО и т. д.). В противовес официальному сайту Оргкомитета Гражданского форума (civilforum.ru) Ассамблея создала альтернативный сайт (NAcivitas.ru) — одно это само по себе свидетельствует, что на смену прессе в дискуссионном обсуждении злободневных вопросов все активнее приходит Интернет. В результате трудных переговоров, которые вели, с одной стороны, заместитель руководителя Администрации Президента РФ В. Сурков, приезжавший в штаб-квартиру Мемориала, с другой — Народная ассамблея, был достигнут взаимоприемлемый компромисс.

На Форум не была приглашена церковь, так как НПО не считают ее структурой гражданского общества. Не были при-

глашены и политические партии (вопреки тому, что теоретики гражданского общества считают партии таким же его элементом, как НПО, профсоюзы, профессиональные и общественные организации), что вызвало их негативное отношение к Форуму. Причиной называли то, что партийные лидеры и так общаются с властными структурами.

Работу открывшегося 21 ноября в Большом Кремлевском Дворце Гражданского форума широко освещали российские СМИ, поэтому я не буду подробно на этом останавливаться. Первое заседание вела Л. Алексеева. Она признала, что федеральная власть оценила значение и силу НПО и необходимость общения с ними, и призвала сделать Форум рабочей площадкой для запуска модели новых отношений между государством и гражданским обществом. Выступивший тут же президент Путин заявил, что власть осознает необходимость такого диалога и партнерства и понимает, что гражданское общество не может быть сформировано по ее желанию и тем более плану. Он призвал создать эффективные модели сотрудничества. Затем на разных площадках — от комплекса зданий Администрации президента до Дома-музея Сахарова — прошла 21 встреча, а на следующий день, 22 ноября, — ряд круглых столов, на которых обсуждались самые разные жгучие проблемы российского общества. Прошедшим на этих встречах переговорам представителей НПО с руководителями государственных структур придавалось большое значение. Заключительное заседание провела В. Матвиенко, на нем выступил премьер-министр М. Касьянов. Они заявили, что итоги Форума будут рассмотрены на заседании правительства, а министерства и ведомства получают поручения рассмотреть рекомендации делегатов и постоянно продолжать диалог с НПО. Сформировавшиеся на Форуме экспертные группы должны продолжить работу и готовить встречи по обсуждавшимся темам.

Важным результатом Форума был тот, что наконец произошел смотр сил организаций гражданского общества в России, они громко о себе заявили. Власть признала, что НПО занимают не менее важное место, чем политические партии. Тем самым была продолжена линия, предложенная еще в период правления Ельцина экспертами, призвавшими обратить внимание на необходимость общественного контроля над действиями

власти, без чего невозможны повышение эффективности управления, борьба с коррупцией и продвижение реформ. Тогда все эти идеи не нашли признания. Когда же к власти пришел Путин, стало уделяться внимание укреплению всей вертикали власти. Однако между стоящими на вершине властной вертикали и населением существует плотный, инерционный слой чиновничьей бюрократии, нередко гасящий идущие сверху импульсы обновления. Ощущая вакуум, власть хотела бы заручиться поддержкой социально активной части общества, для того чтобы преодолеть заскорузлость бюрократических структур, создать механизмы общественной саморегуляции. Надежду на подобное развитие и дают гражданские инициативы НПО. Хотелось бы верить, что Гражданский форум обозначил поворот к новому типу отношений между властью и обществом в России.

Интересно отметить, что в период подготовки Гражданского форума проходили малозамеченные СМИ дискуссионные встречи, на которых обсуждались задачи гражданского общества в России. Одна из них состоялась 18 сентября в московском «Александр-Хаусе» и была подготовлена и проведена российскими и германскими экспертами, главами всех представленных в России политических фондов — Аденауэра, Эберта, Наумана, Зайделя, Белля. В ходе обсуждения интересного доклада ученого из ФРГ В. Реезе-Шефера, рассмотревшего историю, а также нынешние западноевропейские и североамериканские интерпретации понятия гражданского общества, было признано, что само это определение относится к сущностно оспариваемым понятиям. Было отмечено, что за последние 15 лет в российском обществе произошли фундаментальные изменения, а для закрепления результатов демократизации необходимы деятельность широко разветвленных организаций гражданского общества, развитие свободолобивой политической культуры. Подчеркивалось, что в настоящий момент стране требуются люди, способные интегрировать общество, разъяснить, что такое рыночная экономика, федерализм, местное самоуправление и т. д. Политическое руководство должно оказаться на высоте поставленных задач, и дальнейшее развитие России связано с тем, будет ли в ней действенное гражданское общество. Таким образом немецкие эксперты высказали свое отношение

к дискуссионным вопросам, широко обсуждавшимся накануне проведения Гражданского форума. Мне представляется, что их мнение в какой-то мере оказалось учтенным организаторами Форума, властными структурами.

В самой же Германии в центре дискуссии по проблемам гражданского общества стоит совершенно иная тематика, связанная с общим состоянием современного немецкого общества. Что касается разработки определения гражданского общества, тот же профессор Реезе-Шефер отмечал в упомянутом докладе: Строго говоря, все сводится к различию между двойственной концепцией, согласно которой государство и гражданское общество противопоставляются друг другу, и тройственной концепцией, по которой гражданское общество занимает собственную сферу, отличающуюся от сфер государства и экономического сообщества. Одно из самых последних англосаксонских определений гражданского общества принадлежит Томасу Яновски: «Гражданское общество представляет собой область динамичного и ответственного общественного дискурса, находящуюся между государством, общественной сферой, состоящей из добровольческих организаций, и сферой рынка, включающей в себя частные фирмы и объединения. Концепция гражданского общества может применяться в отношении всех стран, где между государством и семьей существуют частные организации». В нынешних определениях речь идет о треугольнике «государство — рынок — гражданское общество». Согласно Хабермасу, к гражданскому обществу относятся «негосударственные и неэкономические объединения и ассоциации на добровольной основе», т. е. общества, организации и движения, которые тот резонанс, который находит общественная проблематика на уровне частной жизни, воспринимают, конденсируют и заставляют громче звучать, поднимая его на публичный политический уровень.

Даже если понятия «гражданское общество» (Zivilgesellschaft) и «буржуазное общество» (bürgerliche Gesellschaft) и отражают классическую дифференциацию между буржуа (bourgeois) и гражданином (citoyen), необходимо все же пояснить, что гражданское общество без буржуазной середины (bürgerliche Mitte), среднего по своему доходу и по своему образу жизни слоя, одним словом, без буржуазии

(Bürgerium), будь это буржуазия, связанная с обладанием собственностью или с полученным образованием, существовать не может. Речь здесь идет не только о действительном существовании данного социального слоя, но и о том, что он в состоянии самоорганизовываться и артикулировать себя политически. Так полагают и американские коммуитаристы, идеи которых сильно повлияли на теории «новых демократов» (New Democrats), «новых лейбористов» (New Labour) и «новой середины» (Neue Mitte) в Германии, когда они говорят о необходимом гражданском мужестве (Zivilcourage) в тех случаях, если нужно возвысить голос или занять определенную позицию.

Функциональное гражданское общество является не только опорной предпосылкой успешного политического развития, но и имеет такое же значение для развития так называемого социального капитала, или капитала доверия, который облегчает развитие самых различных экономических форм и делает его вообще возможным.

В отличие от гражданских обществ негражданские общества имеют иные характеристики. Примером является религия джихада, сторонники которой отличаются своими принципиальными антизападными, антиамериканскими и антиизраильскими взглядами. Религия джихада базируется на совершенно противоположных гражданскому обществу установках, на культуре ненависти, основанной на образе врага, навязываемом молодому поколению в соответствующих школьных учебниках и в школьном преподавании, в семьях, где прославляется героизм старших братьев, служащий образцом для молодежи, участвующей в нынешней палестинской интифаде. Традиции антисемитизма в Европе — такой же впечатляющий пример подобной культуры ненависти.

Ю. Хабермас обратил внимание на тот момент, что жизнеспособное гражданское общество с сильными социальными движениями может действовать лишь в контексте свободолобивой политической культуры и соответствующих образцов социализации, словом, в уже рационализированном жизненном пространстве. Если данных предпосылок не существует, то возникают популистские движения сопротивления модернизации, представляющие собой западный эквивалент различным фундаментализмам Востока. Данные популистские движения пы-

таются противопоставить модернизационным процессам традиционалистские ценности. Но когда возникает потребность в переменах, то акторы гражданского общества заставляют структуры общества вибрировать, они посылают импульсы политической системе, как это было, например, с движением экологов.

Крупнейший немецкий философ Юрген Хабермас действительно вносит немалый вклад в дискуссию о роли гражданского общества, задачах современного германского общества в целом. Он предостерегает общество от опасности «опустошающей секуляризации». Эти мысли он развивал при вручении ему присуждаемой Ассоциацией германской книготорговли ежегодной Премии мира в своей речи 14 октября 2001 г. в знаменитой церкви святого Павла во Франкфурте-на-Майне. По мнению немецкого философа, Запад находится в состоянии «незавершенной диалектики процесса секуляризации». Проблема напряженных отношений между верой и знанием в мире остается неразрешимой и «11 сентября [2001 г.] напряженность между секуляризованным обществом и религией взорвалась совершенно необычным образом». Проявилась несоотнесенность по времени развития культуры и общества в странах преступников-самоубийц, возникшая в результате ускоренной и совершенно неукорененной модернизации. Однако частью западной цивилизации является и диалог культур, подчеркивает философ.

Сохранение морали, защита и поддержка подвергающихся эрозии извечных человеческих ценностей должны быть в центре внимания современного немецкого общества, считает еще один авторитетный, много пишущий в последнее время на темы ответственности современного немецкого гражданского общества перед будущими поколениями деятель — бывший федеральный канцлер (1974–1982) Гельмут Шмидт. Немцы нуждаются в более критической дискуссии по этим темам с привлечением как можно более широкой публики, считает бывший федеральный канцлер.

Несмотря на все пророчества, заката Запада до сих пор не произошло, пишет Шмидт в изданной в 2000 г. книге «Самоутверждение Европы. Перспективы на XXI век». Тем не менее нельзя сказать, что мир и благосостояние в Европе в долго-

срочной перспективе обеспечены. Масштабы ответственности нынешних политиков в деле их обеспечения до конца не осознаются. Если государства объединенной Европы будут выступать совместно, то Европейский союз, несмотря на многие свои недостатки, имеет шанс перед вызовами современности остаться в составе концерта великих держав. Особенно заметно отставание ЕС в области безопасности и оборонной политики, что ведет к нарастающей напряженности в отношениях ЕС с США. Внешнее расширение ЕС должно быть сопряжено с внутренними переменами, иначе не избежать серьезных опасностей, способных привести объединенную Европу к плачевному финалу, считает Шмидт.

Общество граждан, гражданское общество, гражданская деятельность, ангажированность граждан (Bürgerengagement) или гражданская ангажированность (bürgerschaftliches Engagement), цивилизованное общество — все эти и сходные с ними термины широко задействованы в нынешней политической конъюнктуре ФРГ. Весной 2000 г. канцлер Г. Шредер объявил, что «цивилизованное гражданское общество» должно стать общественно-политической программой. В немецком бундестаге имеется парламентская комиссия «Будущее гражданской ангажированности».

Немецкие социологи полагают, что свободно избранная самими гражданами деятельность в организациях гражданского общества вызывает к себе в настоящее время всеобщий интерес. В те времена, когда «социальный цемент» становится слабее и государство отходит назад, очевидным является то, что на передний план выходят ангажированные граждане. Происходит поворот в общественных настроениях в сторону использования гражданских инициатив в государственных целях, а общественный контроль граждан за действиями государственных структур вполне вероятен. Если политика не повернется лицом к этим новым явлениям, предположения о расколе гражданского общества могут стать реальностью. Хотя укрепление гражданского общества вряд ли является волшебным средством для решения всех проблем, многие проблемы без такого усиления гражданского общества просто нельзя решить.

Существуют заметные различия в степени задействованности граждан в новых и старых федеральных землях, в восточных землях

она гораздо ниже, чем в западных. Это объясняется тем трудным положением, в котором до сих пор находятся люди в землях бывшей ГДР, где очень высока безработица. Эмпирические данные показывают, что выполнение добровольной общественной работы не в состоянии ни уменьшить безработицу, ни снизить роль бюрократии, ни остановить распад сплоченности общества. Таким образом, три главные цели, стоящие перед гражданским обществом, оказываются трудновыполнимыми.

Надежда на то, что гражданское общество возьмет на себя роль менеджера, который поможет справиться с кризисом социального государства, рабочего сообщества и демократии, не слишком оправданна. Дискуссия по всем этим трем направлениям (социальное государство, рабочее сообщество и демократия), идет начиная с 70-х гг., но лишь в последнее время с ней стали тесно связываться вопросы социальной ангажированности организаций гражданского общества. Если свести все к общему ядру данной дискуссии, то в центре окажется фундаментальный социологический вопрос — вопрос о «социальном цементе», скрепляющем современное общество.

В ходе Международного года добровольцев, которым был провозглашен 2001 г., обращалось внимание на то, что почти 22 млн граждан ФРГ в возрасте старше 16 лет, т. е. каждый третий взрослый, вовлечены в добровольную деятельность в спортивных обществах, пожарных командах, церквях и профсоюзах. Однако направленность этой деятельности и ее мотивация претерпели заметные изменения. Так, согласно выводам социологического исследования Гамбургского научно-исследовательского института по изучению проведения свободного времени, за последнее десятилетие произошли существенные перемены в иерархии социальных ценностей. Солидарность с другими людьми отошла на второстепенное место, по крайней мере, молодежи взаимопомощь не доставляет никакого удовольствия. «Общество удовольствия пожирает своих детей», — заключают немецкие социологи.

В условиях нерешенности проблемы высокой безработицы и уменьшающегося интереса граждан к проблемам политики требуется укрепить сферу добровольческой деятельности организаций гражданского общества, что потенциально поможет преодолеть нынешний кризис. Эти организации призваны ока-

зать властям существенную помощь в трех общественно-политических сферах — сферах сокращения безработицы, демонтажа бюрократии, приостановки распада общественно-политической сплоченности.

Цель улучшения общественной совместной жизни путем усиления деятельности добровольных объединений гражданского общества верна, подчеркивают участники ведущейся в ФРГ дискуссии. Разумеется, укрепление демократии, солидарности, усиление гражданской ответственности могут только приветствоваться. Однако вместе с тем участники дискуссии предупреждают немецкое общество от завышенных ожиданий, связанных с надеждами, что лишь одному гражданскому обществу удастся справиться со всеми злободневными проблемами.

Итак, как можно заметить, дискуссии о роли и функциях гражданского общества в России и Германии призваны ответить на слишком непохожие вопросы, что связано с различным уровнем развития демократических структур. Однако, как мне представляется, есть в них и немало общего, доля которого будет возрастать по мере общественного развития в этих двух странах, по мере прогрессирующего сближения России с Германией и Европейским союзом, с тем чтобы вместе достойно ответить на вызовы XXI в.

Л. Е. Стровский

Уральский технический университет
(Екатеринбург)

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ: ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕЛЕГКОЙ СУДЬБЫ

28 августа 2001 г. и в России, и в Германии отмечалось 60-летие со дня выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

Печальная дата в новейшей истории российских немцев отмечалась в Германии очень широко, вызвала активный общественный резонанс. В Берлине состоялся многотысячный митинг,